

ПОЛИФОНИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ТОЛЕРАНТНОСТИ И ЖУРНАЛИСТИКА В РОССИИ

Многие проблемы современного общества берут свое начало, как это не покажется на первый взгляд странным, в существовании различных культурных традиций. Казалось бы, любая культура должна обуславливать терпимое, сочувственное, понимающее отношение ко всякой другой культурной традиции, какой бы чужеродной, инаковой она не представлялась. Однако, глядя ретроспективно на постсоветскую историю СНГ и России, можно утверждать, скорее, обратное. Сегодняшние противоречия культурных традиций, базирующихся в том числе и на религиозных ценностях, выливаются, с одной стороны, в противостояние сторонников национальной самодостаточности и глобалистов, с другой стороны, в настоящую войну террористов против целых государств.

В западной традиции «трансформация единой культурной парадигмы в полипарадигмальное культурное пространство была осознана в начале XX века как распад, декаданс, конец истории»¹. Из Европы «упаднические» настроения перекочевали в Россию, но в коммунистический период проблемам мультикультурности в нашей стране уделялось явно недостаточно внимания. И на то были свои объективные причины. Так, советское общество ощущало мощное интеграционное влияние государства, основанное не только на пропаганде, но и, к сожалению, на жестких мерах репрессивного характера.

Однако в настоящее время в России из-за слабости госструктур явно преобладают центробежные силы, основой которых выступают, в том числе, и интолерантные формы поведения. «В российском обществе государство традиционно выполняло функцию обеспечения диалога между различными группами и слоями населения. В начале 90-х годов государство фактически отказалось следовать этой традиции, предоставив общество самому себе»². Кроме того, значительно ослабла роль других важнейших интеграторов общества, таких как религия, культура, территория³.

В текущий круговорот мультикультурных проблем в большой степени вовлечены журналисты. Прежде всего, как трансляторы происходящего в мире через средства массовой информации. И в то же время как участники происходящих социальных конфликтов. Стало быть, формирование новых норм и правил поведения в обществе, базирующихся на толерантности как активной добродетели, должно быть основано и на толерантной журналистике. К сожалению, далеко не

ЗИНОВЬЕВ Илья Викторович, кандидат философских наук, доцент кафедры телевидения, радиовещания и технических средств журналистики факультета журналистики Уральского государственного университета им. А. М. Горького.

© И. В. Зиновьев, 2006

все представители СМИ демонстрируют толерантные стереотипы поведения. Как отмечает Б. Н. Лозовский, «группа лингвистов журфака Уральского госуниверситета обнаружила и зафиксировала встречающиеся на страницах газет многочисленные факты речевой агрессии, которые приводят к фрустрации аудитории и дезинтеграции общества»⁴.

Если сами журналисты не выработают некий «кодекс толерантности», который станет краеугольным камнем их профессиональной деятельности, вряд ли можно будет говорить о формировании полноценного единства разных культур в рамках Российской Федерации, от чего в конечном итоге зависит будущее отечественной государственности. Однако не все стороны современного культурного противостояния, которые соглашаются с сущностью толерантного поведения, принимают европоцентристскую концепцию толерантности, которая оформилась в рамках религиозных споров о чистоте веры и религиозной терпимости в Старом Свете. В настоящее время все более очевидным становится необходимость мультикультурного подхода к обоснованию толерантных отношений в социуме. Истоки толерантного поведения следует искать не только в религиозных конфликтах Западной Европы, но и в не менее богатой истории других стран.

При этом нельзя ставить знак равенства между подходами к формированию толерантного поведения и особенно сознания, выработанными в рамках европейской модели развития общества, и принципами, опирающимися на иные культурные и религиозные традиции. В полной мере это относится и к России, которая «представляет собой некоторый вполне особый культурный мир, обособленный и отличный от мира англоамериканского», а потому «слишком наивно полагать, что толерантность в ее классическом либеральном виде может быть легко усвоена российской политической культурой. В самом деле, как протестантизм с его утверждением внутреннего характера веры, так и скептицизм, отрицающий возможность нахождения единой истины, так часто бывшие фундаментом для новоевропейского толерантного сознания, вряд ли могут найти отклик в российской культурной среде». Отсюда насущная потребность в исследовательских поисках «различных культурных оснований толерантного сознания». Причем «главную роль в этих исследованиях играют направления, связанные с анализом российской культурной среды, с одной стороны, и с историей теорий и практик толерантности — с другой»⁵.

Российский вариант толерантности (или, во всяком случае, важные теоретические подходы к этой проблеме), с нашей точки зрения, может быть предложен на основе обобщения взглядов русских мыслителей XX века. В их числе, например, евразийцы П. Н. Савицкий, Н. С. Трубецкой, Г. В. Флоровский и такой оригинальный мыслитель, как М. М. Бахтин. Исследуя наследие Бахтина, специалисты самых разных областей гуманитарного знания, в первую очередь филологи и философы, уверенно заявляют об истинно пионерских теоретических подходах, сформулированных в работах русского мыслителя, которые лишь до поры до времени были скрыты от широкой научной общественности главным образом по идеологическим причинам. Основываясь на бахтинских построениях, ученые разраба-

тывают собственные концепции, постепенно обогащая их новыми идеями и терминами.

Некоторые положения, изложенные в работах Бахтина, по нашему мнению, могут послужить для формирования важных постулатов толерантной журналистики на российской почве. Тема терпимости и общественного диалога, в который на равных должны быть включены представители разных политических сил, весьма актуальна именно в период становления гражданского общества в постсоветской России. «Выработка правил диалога с помощью СМИ, — констатирует современный исследователь, — кропотливое внедрение их в быт, в привычки людей — задание, которое еще предстоит выполнить»⁶.

Одной из интересных и полезных в рассматриваемом контексте работ Бахтина является исследование, посвященное творчеству Ф. М. Достоевского. Анализируя диалог у Достоевского, М. М. Бахтин пишет, что «принцип построения повсюду один и тот же. Повсюду — *пересечение, созвучие или перебой реплик открытого диалога с репликами внутреннего диалога героев*. Повсюду — *определенная совокупность идей, мыслей и слов проводится по нескольким неслиянным голосам, звуча в каждом по-иному*. Предметом авторских устремлений вовсе не является эта совокупность идей сама по себе, как что-то нейтральное и себе тождественное. Нет, предметом является как раз *проведение темы по многим и разным голосам*, принципиальная, так сказать, неотменимая *многоголосость и разноголосость* ее. Самая расстановка голосов и их взаимодействие и важны Достоевскому» (курсив — Бахтина)⁷. На первый взгляд, может показаться, что речь идет исключительно о творчестве Достоевского, открытиях и прозрениях великого русского писателя в области литературы. Однако, если присмотреться внимательнее, бахтинская трактовка отнюдь не замыкается в узких рамках литературоведческого анализа.

В частности, к нашей теме имеет прямое отношение полифония — одно из центральных понятий, обстоятельно разработанных Бахтиным: «Сущность полифонии именно в том, что голоса здесь остаются самостоятельными и, как такие, сочетаются в единстве высшего порядка, чем в гомофонии. Если уже говорить об индивидуальной воле, то в полифонии именно и происходит сочетание нескольких индивидуальных волев, совершается принципиальный выход за пределы одной воли. Можно было бы сказать так: художественная воля полифонии есть воля к сочетанию многих волев, воля к событию»⁸.

Продолжительное время работы Бахтина рассматривались с точки зрения литературоведения и лингвистики. Однако в последние годы многие исследователи, как в зарубежье, так и в России, пришли к мнению о том, что в книгах Бахтина отражена оригинальная философская концепция. Малый энциклопедический словарь «Русская философия» констатирует: «За собственно эстетическими и лингвистическими категориями полифонической концепции стоит оригинальная философская позиция Бахтина. Полифоническое мышление, по Бахтину, отражает полифоническую природу самой жизни (поэтому оно в той или иной мере свойственно всем литературным, в т. ч. монологическим по их внешнему определе-

нию, жанрам и всей мыслительно-языковой сфере культуры вообще). Монологизм же есть лишь ложный абстрактно-теоретический принцип идеологической культуры Нового времени, который, получив соответствующую философскую обработку, существенно повлиял на внешнюю форму языковой жизни культуры, но при этом не преодолел ее внутренней полифонической природы. <...> Идея монологической истины отрицает, по Бахтину, какую бы то ни было значимость индивидуальных сознаний (в рамках единого сознания только ошибка индивидуализирует). Понятие истинного суждения закрепляется при этом не за личностью, а за абстрактно-единым, монологически систематизированным контекстом. В идеале одно сознание и одни уста считаются в этой системе ценностей совершенно достаточными для выражения всей полноты познания. Полифонический же тип мышления предполагает, что истина принципиально неместима в пределы одного сознания, будучи по природе своей событийна и как таковая рождаясь лишь в точке соприкосновения двух или нескольких сознаний. <...> Полифонизм противостоит и релятивизму, и догматизму, т. к. последние одинаково исключают всякий диалог, делая его либо ненужным (релятивизм), либо невозможным (догматизм)»⁹.

Добавим к сказанному, что диалогизм М. М. Бахтина имеет коренную связь с такими концепциями, как православная соборность славянофилов, философия всеединства В. С. Соловьева, теория симфонической личности Л. П. Карсавина. Вне всякого сомнения, подход Бахтина может быть сегодня озвучен в терминах толерантного отношения к действительности, толерантного со-действия личностей. В этом отношении хотелось бы обратить внимание на три основных аспекта, относящихся к заявленной нами тематике, связанной с формированием отечественной толерантной журналистики.

Социальный аспект. Понятие полифонии весьма плодотворно при выработке принципов социальной толерантности в журналистике. Толерантность в отношении других людей, общественных структур, наконец, человечества в целом может быть активной добродетелью только при понимании «другого», сопереживании ему, активных попытках перевести возможный конфликт в диалог. Для журналиста толерантное со-действие начинается с первых профессиональных шагов. Обратимся к такому распространенному информационному жанру, как интервью. В общении с собеседником журналист должен выказать не только внимание, но зачастую и сочувственное понимание, если он желает добиться откровенных ответов, особенно если речь идет о личности интервьюируемого. При этом нельзя заставлять журналиста полностью принимать позицию собеседника, если она ему чужда, скажем, по идеологическим соображениям. Вместе с тем диалог должен носить живой характер, нацеленный на совместный поиск точек соприкосновения, в пределе — на плодотворное со-действие. В данном аспекте важно избавиться от всяческого догматизма, в том числе навязывания собственной модели толерантного поведения в обществе.

Личностный аспект. В этом случае речь идет не о межличностном диалоге и взаимоотношении с «другим», а о внутриличностных характеристиках журналиста, выработке таких форм диалога с «внутренним я», которые бы способ-

ствовавали конструктивному, а не разрушительному развитию его личности. Вопрос может быть поставлен так: могу ли я и каким образом найти путь к самому себе как уникальной личности. При положительном ответе на него возникает ситуация ответственного отношения к себе и своей судьбе, которая формируется нашими поступками. Если ответ будет отрицательным, значит, человек становится пассивным орудием в руках обстоятельств. Некоторые исследователи используют для характеристики личностного аспекта толерантности термин «самотолерантность», за которым стоит «не столько постулирование себя как идеального человека и терпимость ко всякого рода аномалиям в себе, сколько необходимое трудоемкое усилие по выработке адекватной модели поведения и собственных личностных параметров. Терпимость по отношению к самому себе предполагает, что личность осознает тождество своего существования, несмотря на вариативность своих мыслей, поступков»¹⁰. В данном случае важно предохранить свою личность от пагубных влияний извне, не превратить вариативность своего поведения в абсолютизм, сведя все к релятивистской модели поведения в социуме.

Текстологический аспект. Модель полифонии может быть в определенной степени применена не только к содержанию, но и к форме текста, создаваемого журналистом. Разноголосица в содержании может и должна (в той или иной степени) стать важной чертой журналистского произведения. И в этом проявление той самой объективности СМИ, о которой так много спорят. Главное в том, чтобы такая разноголосица была одновременно и равноголосицей, когда ни одной из содержательных позиций не отдается предпочтение. (Речь в данном случае не идет об участии экстремистских голосов, что является отдельной темой.) В отношении формы журналистского произведения следует сказать о необходимости использования различных стилистических приемов, создания неологизмов, обусловленных контекстом. Вполне допустимо в художественном тексте, каковым является и журналистский, полифоническое слияние жанров, о чем на примере романа написал М. Кундера в эссе «Когда Панург не сумеет рассмешить»¹¹. Все это вместе взятое добавит новые краски в картину действительности, которую ежечасно пишет журналист.

В завершение следует зафиксировать еще один важный момент: для успешного решения проблем, связанных с противоречиями мультикультурного общества, необходимо сформировать у представителей СМИ установку на межкультурное общение, основанную прежде всего на *культурных традициях* того общества, где функционирует журналист. И только после этого переходить к овладению «ведущим культурным императивом, которым становится императив терпимости, терпеливого внимания и диалога»¹². Это напрямую вытекает из бахтинского понимания полифонии, ориентированной на межкультурное взаимодействие.

Подобная установка у будущих журналистов должна быть сформирована в том числе и в ходе вузовской подготовки, хотя начинать сложный процесс формирования толерантного сознания необходимо значительно раньше — еще на школьной скамье. Сегодняшний мультикультурный образовательный процесс предполагает «глубокое и всестороннее овладение учащимися культурой своего собственного

народа как неперенным условием интеграции в иные культуры; формирование у учащихся представлений о многообразии культур в мире и России, воспитание положительного отношения к культурным различиям, способствующим прогрессу человечества и служащим условиям для самореализации личности; создание условий для интеграции учащихся в культуры других народов; формирование и развитие умений и навыков эффективного взаимодействия с представителями различных культур; воспитание учащихся в духе мира, терпимости, гуманного межнационального общения»¹³.

Если российский журналист, в том числе и как транслятор установок толерантного отношения к «другому», не обладает навыками межкультурного диалога, восприятия новой, не во всем согласующейся с прежними идеологическими установками информации, тогда всякий разговор о толерантном содействии людей, общественных организаций, культур будет ему непонятен. В профессиональном плане — это прямой путь к монолизму средств массовой информации, который может привести к разрушению мультикультурного общества, каковым на протяжении многих веков является Россия.

---

¹ Харитонов В. В. Диалогика М. М. Бахтина и проблема полипарадигмальности современной духовной ситуации // М. М. Бахтин: эстетическое наследие и современность. Саранск, 1992. Ч. 2. С. 325.

² Шалин В. В. Толерантность: культурная норма и политическая необходимость. Ростов н/Д, 2000. С. 287.

³ См.: Там же. С. 287.

⁴ Лозовский Б. Н. «Четвертая власть» и общество: на тернистом пути к согласию. Екатеринбург, 2001. С. 13.

⁵ Хомяков М. Б. Уральский МИОН: концептуальные основания проекта // Роль СМИ в достижении социальной толерантности и общественного согласия: Материалы междунар. конф. Екатеринбург, 2002. С. 94.

⁶ Лозовский Б. Н. «Четвертая власть» и общество: на тернистом пути к согласию. С. 11.

⁷ Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 184–185.

⁸ Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979. С. 25.

⁹ Гогтишвили Л. А. Полифония // Русская философия: Малый энцикл. слов. М., 1995. С. 417.

¹⁰ Орехов С. И. Самотолерантность // Толерантность и полисубъективная социальность: Материалы конф. Екатеринбург, 2001. С. 90.

¹¹ Кундера М. Когда Панург не сумеет рассмешить // Кундера М. Нарушенные заветания. СПб., 2004.

¹² Харитонов В. В. Диалогика М. М. Бахтина и проблема полипарадигмальности современной духовной ситуации. С. 325.

¹³ Шалин В. В. Толерантность: культурная норма и политическая необходимость. С. 310–311.